

Часть I

ДЕТСКИЕ, ШКОЛЬНЫЕ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

1949-1972 гг.

Спренгель Александр Владимирович

*Заместитель начальника института
по научной работе 4 ЦНИИ МО РФ,
полковник, кандидат технических наук,
награжден орденом «За военные заслуги»,
многими медалями и ведомственными
наградами*

НА ПУТИ ВО ВЗРОСЛУЮ ЖИЗНЬ

Летом далекого 1957 года мой отец, Владимир Станиславович, окончил Военную академию связи в Ленинграде, и был направлен для дальнейшего прохождения службы в ближнее Подмосковье, в только что сформированную войсковую часть, ныне известную как Главный испытательный космический центр имени Г.С. Титова. Часть вместе с молодой космической отраслью бурно развивалась, менялись места ее дислокации. В начале 1959 года вслед за частью мы переехали в Москву. Жили сначала в панельной пятиэтажке на Октябрьском поле в трехкомнатной квартире вместе с еще двумя семьями офицеров.

Через полтора года, когда обитателей нашей небольшой квартиры стало 10 человек, из них четверо детей, в том числе два грудных ребенка, нас переселили в только что построенный девятиэтажный кирпичный дом на 3-й Фрунзенской улице. Дом был заселен исключительно семьями военных. Нам на четверых (папа с мамой и мы с сестрой Ириной) выпала прекрасная двухкомнатная квартира на 8-м этаже. Этажом ниже обосновалась семья сослуживца моего отца и его однокашника по академии Евгения Семеновича Нестерова. В его семье было два сына, совсем маленький Саша и старший – Володя, с которым мы вскоре познакомились во дворе.

Тогда нам обоим было по 11 лет, учились мы в 5 классе, правда, в разных школах. Дело в том, что школ поблизости было много, но все они были заполнены «под завязку», учеба велась в две смены. Поэтому родители устраивали своих детей туда, где удавалось уговорить директора школы взять их ребенка. В радиусе 10–15 минут ходьбы от дома было четыре школы. Я попал в школу № 44, Володя – в школу № 33. В наши дни здание моей школы сохранилось, но там расположена какая-то другая организация. Володина школа № 33 уже давно снесена, и на ее месте красуется плод лужковской точечной застройки – громадный жилой дом.

Мысленно возвращаясь в то время, я вижу Володю Нестерова шустрым худеньким мальчуганом с непокорной копной курчавых волос, которые зимой прикрывал неизменный кожаный лётный шлем. Тогда, то ли по бедности, то ли мода такая была, мальчишки широко использовали предметы военной амуниции: головные уборы, полевые сумки, поясные ремни и т.п.

Тесная дружба между нами завязалась в следующем, 1961 году, когда на все лето мы попали в новый пионерский лагерь «Маяк» на берегу Черного моря, под Евпаторией. Как ровесники, мы с Володей были определены в один отряд, спали на соседних койках.

Сразу после расселения по спальным помещениям мы с Володей побежали к морю, которое до этого я видел только в кино. Володя уже бывал с родителями на море и как более опытный товарищ давал пояснения. Море произвело на меня очень сильное впечатление и несколько скрасило грусть по родительскому дому, от которого я впервые так далеко и надолго уехал.

Еще в поезде по пути в Евпаторию воспитатели заметили у Володи лидерские задатки и сразу по приезду в лагерь предложили нам избрать его председателем совета нашего пионерского отряда. Эта рекомендация была с удовольствием поддержана всеми мальчиками и девочками отряда. А для Володи, насколько я знаю, это был первый, говоря современным языком, управленческий опыт, хотя, как мне помнится, он его не очень ценил. Ведь тогда простые мальчишеские забавы были для нас гораздо привлекательнее каких-то карьерных соображений. И даже такой «высокий» пост не защищал его от всяческих соблазнов.

Вспоминается такой случай. В лагере все пионерские отряды периодически несли дежурство по поддержанию порядка на территории. Однажды мы с Володей и еще одним мальчиком из нашего отряда были назначены дежурными. Наш пост располагался на берегу моря у ограждения территории лагеря. Задача: следить, чтобы никто не покидал в этом месте лагерь и никто из посторонних не проникал к нам. Место было пустынное, никаких лагерных объектов поблизости не было, снаружи тоже поначалу мы ничего интересного не заметили. Однако долго сидеть без дела мы не смогли и убедили себя, что необходимо провести разведку местности за ограждением лагеря. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что поблизости ни в лагере, ни снаружи никого нет, мы по мелководью пересекли границу лагеря и побрели вдоль берега моря. Вскоре мы обнаружили неподалеку от берега остатки каких-то сооружений. Тщательно изучив

С. Другов, О. Спица, А. Спренгель, В. Нестеров со своими возжатыми. Крым, Евпатория, пионерский лагерь «Маяк», 1961 г.

8-й выпускной класс средней школы № 171. Москва, 1964 г.

их мы сделали вывод, что это фундаменты береговых орудий времен войны. Поиграв немного в защитников побережья, мы отправились дальше.

Следующей нашей находкой была бахча, на которой работали несколько колхозников. Они собирали арбузы, правда, не такие, как мы привыкли видеть в магазинах в Москве, а маленькие, как нам потом объяснили, кормовые. После краткого совещания, на котором мы обсудили возможные варианты дальнейших действий, было принято «пионерское» решение: предложить колхозникам помощь в уборке урожая. Что мы и сделали. Дело пошло замечательно, мы чувствовали себя настоящими тимуровцами, кроме того, тайно надеялись и на благодарность в виде арбузов и маленьких дынь, которые, как выяснилось, здесь тоже произрастали.

Но всему приходит конец. Откуда-то появились молодой человек и девушка, которые, как оказалось, были пионервожатыми из нашего же лагеря. Пришлось сворачивать нашу трудовую деятельность. Несколько огорченные неожиданной встречей, но вознагражденные за свой труд разрешением взять столько арбузов и дынь, сколько сможем унести, мы вернулись на свой пост у ограждения лагеря. Насладившись своей добычей и даже припрятав что-то «на потом», мы, не ожидая ничего дурного, отправились к себе в отряд.

Каково же было наше удивление, и даже возмущение, когда вечером мы узнали, что наши вожатые в своем служебном рвении, подогретом, как я теперь понимаю, тем, что мы увидели их вдвоем вне лагеря, не ограничились данной нам командой вернуться в лагерь. Они доложили руководству лагеря о встрече с нами. При этом доклад, по нашему глубокому убеждению, совершенно извратил истинные цели нашего нахождения на бахче. Ведь мы там не прохлаждались и не попрошайничали, а, как и подобает настоящим пионерам, бескорыстно помогали колхозникам!

Между тем дело принимало нешуточный оборот. Мало того, что мы были подвергнуты публичному осуждению на общелагерной линейке, так нам еще пообещали такие кары, как письмо родителям, а может и досрочную отправку домой. Несколько дней мы провели в напряженном ожидании обещанного наказания. Те тяжкие дни скрашивала только наша мальчишеская солидарность и несколько оставшихся в запасе крымских дынь, которыми мы продолжали тайно лакомиться.

Между тем дни шли, о нашем проступке никто больше не вспоминал. Мы поняли, что руководству лагеря некогда нами заниматься, тем более, что никто в результате наших действий не

*После традиционного футбола. А. Спренгель, М. Ракитин, А. Алатырцев, В. Нестеров.
Москва, парк «Покровское-Стрешнево», 07.11.1999 г.*

пострадал и не понес какого-либо ущерба. Доев последнюю дыню, мы постепенно стали забывать о случившемся, угнетавшее нас ожидание сурового наказания улетучилось, и мы вернулись в свое обычное активное и бодрое состояние.

В то лето проявились не только лидерские качества Володи, но и его любовь к спорту. Он с увлечением занимался в футбольной секции, играл в волейбол, принимал участие во всех спортивных мероприятиях, которых много проводилось в лагере. Эту любовь он пронес через всю жизнь и до сих пор не упускает возможности «тряхнуть стариной», привлекая к этим уже небезопасным в нашем возрасте занятиям и своих еще сохранивших способность двигаться друзей.

Еще одним запомнившимся событием того лета был запуск 8 августа космического корабля «Восток-2» с Германом Степановичем Титовым на борту. Ко всеобщему восторгу и ликованию, сопровождавшему в те времена каждое достижение нашей страны в освоении космоса, у нас впервые добавилось чувство сопричастности к этому событию. Дело в том, что в самых общих чертах мы представляли, в какой сфере служили наши отцы. Это представление, правда, ограничивалось фразой типа «занимаются космосом», но, тем не менее, давало нам основание чувствовать себя не совсем обычными детьми. Правда, об этом не принято было распространяться.

Тут, в «Маяке», который был ведомственным пионерским лагерем, тоже царила не совсем обычная обстановка. На территории мы часто видели военных, все грузовики и автобусы, обслуживавшие лагерь, были с военными номерами и управлялись военными водителями. Лагерь часто посещали высокие военные чины, вдали возвышались громадные антенны наподобие тех, что мы видели по телевизору в передачах об освоении космоса. Некоторые ребята из нашего отряда получали письма от родителей из Ленинграда и сами писали на ленинградские адреса, но очень скоро стало понятно, что никакие они не ленинградцы, а живут где-то на севере, в тайге. И вот на этом фоне запуск Г. С. Титова воспринимался в лагере и персоналом, и детьми как профессиональная победа, к которой все мы имеем непосредственное отношение.

Апофеозом того дня стало решение начальника лагеря разрешить детям купаться в море не строго по расписанию в течение всего нескольких минут, как это было всегда, а без ограничений, сколько захотим. Вот это был праздник!

За лето, проведенное в «Маяке», мы подросли, окрепли, обзавелись новыми друзьями. Больше я там никогда не был, но воспоминания о пребывании в этом лагере живы до сих пор.

Вскоре в нашем дворе построили новую школу, № 171, и все дети из нашего дома оказались в ней. В том числе и мы с Володией стали учениками 7-го «Б» класса. Каких-либо ярких воспоминаний учеба в этой школе не оставила, тем более, что школа была восьмилетней, и вскоре нам пришлось для продолжения учебы искать новое пристанище. Запомнились из этого периода два лета, в которые наши родители снимали дачу в Подмоскowie, на берегу Москвы-реки.

Мы с Володией пользовались практически неограниченной свободой. В те времена у родителей не было оснований бояться всяких маньяков, террористов, похитителей детей, торговцев наркотиками и прочих негативных явлений, присущих сегодняшней действительности. Поэтому взрослые занимались младшими детьми и хозяйственными делами, а мы – рыбачили и купались в реке, ходили в лес по грибы-ягоды, играли со своими сверстниками в футбол.

Помимо игр со своими сверстниками, мы с Володией находили и занятия, интересные только нам. У Володи было много игрушечных солдатиков, с которыми к моей великой радости он не спешил расставаться. Мы делили солдатиков на две армии, во дворе строили напротив друг друга линии обороны и еловыми шишками по очереди обстреливали их. Это было, несомненно, интеллектуальное занятие, так как мы постигали основы тактики, фортификации, разрабатывали правила игры и критерии оценки результатов. Хотя мамы наши ругались, считая эти игры недостойным занятием для таких великовозрастных балбесов, но и по прошествии стольких лет я считаю, что это было полезное для нас занятие.

Еще одним увлечением было строительство корабликов. Здесь инициатором был я. Прочитав несколько книжек о морских сражениях и знаменитых кораблях, я захотел материализовать

30-летие окончания МАИ, наша группа АД-1. Слева направо: В. Пальтов, Л. Сапова, А. Спренгель, В. Сергеев, В. Нестеров, О. Лисицына, Д. Савин, С. Некрасов, В. Соломонов. Москва, МАИ, 2002 г.

свои знания в виде моделей линкоров, крейсеров и прочих могучих боевых кораблей. Материалом служили любые найденные деревяшки, из которых мы выстругивали корпус, надстройки, мачты и орудийные башни. Володя быстро подхватил мое увлечение и первым смастерил модель крейсера с трехорудийными башнями главного калибра. Технологической загвоздкой здесь оказалось изготовление орудийных стволов и их крепление к башням. Для ускорения процесса строительства в качестве орудийных стволов он находчиво использовал простые гвозди. Получилось не так красиво, но очень быстро и прочно.

Я вспомнил об этом эпизоде для иллюстрации одного очень важного качества Володиного характера: целеустремленности, умения мобилизоваться для решения задач, которые он хочет решить. И в последующие годы я не раз наблюдал проявления этого его качества.

Более серьезным и длительным увлечением стала игра в «чеканочку». Надо было, ударяя по мячу ногой, или попеременно обеими ногами, как можно дольше удерживать его в воздухе, не допускать падения на землю. Игра была привлекательна тем, что не требовала большого числа участников и каких-то оборудованных площадок, результаты легко поддавались учету. Мы часами «чеканили» под окнами дома и добились невероятных результатов: Володя записал на свой счет рекордное количество ударов по мячу до его падения на землю – более двухсот. Мой результат был скромнее – всего около 150, хотя сейчас я с трудом понимаю, как мог это делать.

Володин папа, дядя Женя, привел в порядок старый, принадлежавший еще его отцу и давно пылившийся без движения «Москвич». И вот, приехав как-то на нем на дачу, он предложил нам с Володей учиться водить машину. Однако тут же умерил наши восторги условием: мы должны выучить правила дорожного движения, устройство автомобиля и полноправно участвовать в обеспечении его исправности и технической готовности. Мы, естественно, согласились. Все это казалось нам очень важным и интересным.

И вот, изучив ПДД и азы конструкции автомобиля, мы были допущены сначала к его техническому обслуживанию (однажды я даже лежал рядом с дядей Женей под машиной и подавал

А.В. Спренгель, В.Е. Нестеров, С.Н. Ермак. Москва, октябрь 2006 г.

ему нужные ключи), а затем и к вождению. Все было по-взрослому: общий инструктаж, постановка задачи на выполнение конкретных упражнений, контроль исполнения, разбор. Ездили мы в основном по ровному лугу на берегу Москвы-реки. Там ничто не мешало сосредоточиться на управлении автомобилем, что само по себе для нас было непростым делом. Оказалось, что ехать по прямой тоже надо уметь. Поначалу следы на траве от нашей езды больше смахивали на синусоиду, чем на прямую линию. А чего стоил запуск двигателя? Это сейчас достаточно повернуть ключ зажигания или нажать соответствующую кнопку, и можно ехать. В те времена стартер запускался нажатием на специальную педаль, расположенную над педалью газа. Затем, в момент, который по началу было крайне трудно уловить, надо было плавно перенести упор с педали стартера на педаль газа. При удачном проведении этой манипуляции мотор запускался. Чтобы научиться ловить эту удачу нам с Володией пришлось сильно попотеть, а дяде Жене – попереживать за аккумулятор. В итоге, думаю, хотя дядя Женя и не успел в то лето сделать из нас заправских водителей, но достиг не менее важной цели: без лишних нравоучений дал нам практическую возможность убедиться в истинности и житейской ценности известной поговорки «без труда не вытащишь и рыбку из пруда».

Завершение 8-го класса для нас было связано с необходимостью принять решение, что делать дальше. Наша школа № 171 в 1964 году была восьмилеткой, поэтому после сдачи экзаменов и получения свидетельств о неполном среднем образовании мы могли вообще завершить образование или продолжить его в ПТУ, техникуме или другой средней школе. Большинство из нас не видело альтернативы завершению среднего образования и в дальнейшем – поступлению в вуз. Однако дело осложнялось тем, что образование в 9–11 классах средней школы проводилось с обязательным производственным уклоном. Каждая школа имела определенный уклон, соответствующую учебно-материальную базу и преподавательский состав, позволявшие давать ученикам не только среднее образование, но и определенную профессию.

На стартовой площадке РКН «Протон-М». В. Пальтов, В. Нестеров, А. Спренгель, А. Алатырцев, М. Ракитин. Космодром Байконур, 06.09.2007 г.

В сборочном цехе РН «Протон». Москва, июль 2009 г.

Уже не помню подробностей, но ни одна из окрестных школ нас не заинтересовала. Говоря «нас» я имею ввиду группу одноклассников, поддерживавших дружеские или приятельские отношения. Среди них были мои друзья и приятели – Толя Кадомцев, Женя Вардомский, Саша Бугаев, Коля Харичев. Все мы видели свое будущее в какой-нибудь профессии научно-технического профиля.

Кто-то из ребят узнал, что неподалеку, всего в 15–20 минутах езды на троллейбусе, есть школа № 52 с математическим уклоном. Там на базе ВЦ МГУ и других уважаемых организаций готовили программистов-вычислителей для работы на ЭВМ того времени: М-20 и «Стрела». Кроме программирования там давался углубленный курс математики: математический анализ, аналитическая геометрия, основы вычислительной математики.

Мы посчитали такую подготовку весьма полезной для будущего поступления в вуз. После недолгих раздумий и совета с родителями мы подали в эту школу документы и, после короткого собеседования, благо все мы учились хорошо, были приняты в 9-й класс.

Володя пошел несколько иным путем. Наверно, не без влияния отца, потомственного военного, он поступал в Московское Суворовское военное училище. Однако жесткие медицинские требования, несмотря на хорошую спортивную подготовку Володи, не дали ему возможности стать суворовцем. Когда это стало окончательно ясно, Володя вслед за нами подался в 52-ю школу. Мы были рады снова учиться вместе. Однако наш 9-й третий (в этой школе было семь девятых классов, и их обозначали не буквами, как в других школах, а цифрами) был уже полностью укомплектован, и Володю записали в другой класс – 9-й второй.

Учеба в математической школе поначалу давалась очень тяжело. Вместо привычных пятерок и четверок посыпались двойки и тройки по математике. Каждый день было по 6–7 уроков. Выполнение домашних заданий часто затягивалось за полночь. Ни о каких развлечениях не было и речи. Эти муки продолжались примерно две учебные четверти. Потом как-то незаметно мы все адаптировались к суровым требованиям школы, оценки стали выправляться и домашние

задания как-то быстрее стали делаться. Но в десятом классе нас постиг новый удар: начался переход с 11-летнего на 10-летнее среднее образование, и наш выпуск был первым, на ком опробовали десятилетнюю программу. Мало того, что мы должны были за год (10-й класс) изучить то, что наши старшие товарищи проходили за два года, в 1966 году средние школы провели двойной выпуск: одиннадцатиклассников и нас, десятиклассников. Соответственно и конкурс в вузы ожидался двойной. Все это заставило нас снова почти забыть о развлечениях и усиленно заниматься и по школьной программе, и уже по подготовке к поступлению в конкретные вузы.

Как ни напрягаю память, почти ничего, кроме учебы, об этих двух годах вспомнить не могу. Правда, одно обстоятельство вспоминается. Володя в годы нашей совместной учебы не отличался высоким ростом, и в нашей приятельской компании того времени, наверно, он был самым низкорослым. И вот в старших классах он вдруг пережил буквально взрывной рост и прямо на глазах стал самым высоким среди нас. Что это было, реакция организма на необходимость усвоения огромной массы информации, или – на неистребимое желание Володи добиться успехов в полюбившемся ему волейболе, где рост имел очень большое значение?

Еще одной проблемой, которая не давала нам покоя в старших классах, был выбор места дальнейшей учебы. То, что мы будем учиться дальше, ни у кого не вызывало сомнения. Но вот где и чему учиться?

Мы с Володией и другими ребятами часто обсуждали различные варианты. Но тогда информационные возможности были гораздо скромнее, чем сейчас. Во-первых, многое было закрыто по режимным соображениям. Даже названия некоторых вузов и их факультетов не раскрывали реальной направленности обучения в них. Не было интернета, который позволяет сегодняшним юношам и девушкам не выходя из дому получить всю или почти всю интересующую их информацию. Конечно, большое влияние на наш выбор оказывали родители. Так, мама Володи, для меня – тетя Оля, работала на одном крупном оборонном предприятии и очень высоко оценивала

До сих пор вместе. Е. Тарыгин, А. Алатырцев, М. Чекалов, В. Пальтов, В. Нестеров, А. Спренгель, М. Ракитин. Москва, стадион «Фили», июль 2009 г.

профессиональную подготовку выпускников МАИ, особенно двигательного факультета. Из этой оценки вытекали ее настойчивые рекомендации поступать именно туда.

И вот, успешно сдав выпускные экзамены в школе, потренировавшись в июле на вступительных экзаменах в другие вузы, вероятность поступления в которые мы оценивали очень невысоко (в чем оказались совершенно правы), мы с Володей собрали свои документы и отправились подавать их в приемную комиссию Московского авиационного института. Володя шел на факультет двигателей летательных аппаратов. Я почему-то не хотел идти на этот факультет и решил поступать на 1-й факультет – летательных аппаратов.

Пришли, увидели несколько длинных очередей, нашли свои и стали в них. Вскоре стало скучно. Я подошел к Володе поболтать, обсудить состав потенциальных сокурсников и сокурсниц. Так за разговорами незаметно подошла очередь Володи, а моя на самолетный факультет еще была далеко. И вот в течение нескольких секунд я принял судьбоносное решение: не стал возвращаться в свою очередь, а подал вслед за Володей документы на двигательный факультет! Сейчас просто удивляюсь легкости, с которой я тогда принимал решения. Оправданием может служить только величина очереди, наводившая на мысль о величине конкурса (официальное количество мест и число абитуриентов в вузах оборонной направленности были в те времена закрытыми). Да и какая разница, на какой факультет не поступить? А ходить на сдачу вступительных экзаменов вместе с другом было, конечно, гораздо лучше.

Так мы стали абитуриентами двигательного факультета МАИ. Хотя поступали с Володей вместе, но сдавали вместе только первый экзамен – письменную математику. После ее успешной сдачи следующие экзамены сдавали в разных потоках. И так получилось, что я закончил сдавать экзамены раньше Володи. Помню несколько блаженных дней, когда для меня все экзаменационные муки уже были позади. Я приходил к Володе, делился с ним своим «богатым» опытом уже сдавшего экзамены почти студента, «помогал» ему готовиться к сдаче оставшегося, уже не помню, какого, экзамена.

И вот все испытания пройдены, мы оба приняты в институт! Наверно, я радовался этому, но сейчас уже не помню своих ощущений. Запомнилось вот что. Когда я узнал о том, что принят в институт, сразу позвонил из ближайшей к проходной МАИ телефонной будки, сообщил эту радостную весть маме и отправился домой. Подходя к дому, я с удивлением увидел бегущую навстречу мне маму. Очевидно, она поджидала меня у окна и, увидев, не выдержала, выбежала из дома, расцеловала, обняла и повела домой. Тогда я очень смутился и не очень приветствовал мамин порыв. Только теперь я понимаю, как она переживала за меня и как радовалась моему поступлению в институт.

А нам с Володей много радоваться было некогда. Первая забота появилась при ознакомлении с вывешенными в приемной комиссии списками учебных групп: мы оказались в разных группах, я в группе АД1–1, он в АД1–14. Огорченные, мы по чьему-то совету отправились на прием к заместителю декана факультета Маргарите Ивановне Сухановой. Она выслушала наш взволнованный рассказ о совместно проведенном детстве, совместном поступлении в институт, задумалась и, о чудо, с пожеланием успехов в учебе вычеркнула студента Нестерова В. Е. из списка его группы и записала в группу АД1–1!

И вот наступил первый день студенческой жизни. Мы отнеслись к этому событию довольно легкомысленно. Так как первый учебный день начинался с лекций по математике, мы решили, что нам, как выпускникам математической школы, на этой лекции делать нечего. Есть более важные и актуальные задачи. В этот день мы пошли только на групповое занятие по черчению, чтобы посмотреть на группу, в которой нам предстояло учиться более пяти лет. Пришли, увидели, понравилось.

Так закончилось наше детство. Начиналась взрослая жизнь...

Березина Лариса Юрьевна

Ведущий научный сотрудник Центра профессионального образования Федерального института развития образования РФ, кандидат педагогических наук, доцент. В 52-й школе Москвы работала учителем математики с 1964 по 1968 гг.

ПЕРВЫЕ СТАРТЫ ВОЛОДИ НЕСТЕРОВА

Московская школа № 52, в которой Володя учился в 9-м и 10-м классах, была создана в 1958 году. В 1960 году она стала одной из самых первых школ нашей страны с углубленным изучением математики. Официально такие школы не назывались математическими. При их организации энтузиастами была удачно интерпретирована хрущевская идея введения трудового обучения в старших классах. Производственное обучение впервые стало проводиться по специальности «программист-вычислитель», что привело к разработке новой, соответствующей ей учебной программы по математике и ее углубленному изучению старшеклассниками.

Обучать программированию в 52-й школе были тогда приглашены молодые специалисты из ВЦ МГУ и ВЦ Математического института имени В. А. Стеклова АН СССР (ныне РАН).

Вычислительные машины «Стрела», на которых учащиеся проходили практику, занимали огромное пространство (половину этажа), состояли из большого количества стоек с шеренгами лампочек на каждой из них. Эти лампочки как бы беспорядочно включались и выключались. Такое зрелище тогда производило сильное впечатление, но у учащихся отношение к происходящему было принципиально иным. Ведь именно им при работе на вычислительной машине подчинялось загорание и отключение электронных ламп. Старшеклассники, все без исключения, занимались составлением программ и их запуском с интересом и даже упоением. Они гордились тем, что их пачки перфокарт ими же были наполнены вполне конкретным математическим содержанием.

Набор в школу проводился на основе конкурсных вступительных испытаний. Велся он вполне демократично. На собеседование разрешалось приходить повторно, если первый заход оказывался неудачным. К настойчивости испытуемых преподаватели относились с пониманием. Школа, конечно, была заинтересована в учащихся, которым по-настоящему, по-взрослому хотелось овладеть углубленными знаниями. Важны были не столько благополучные оценки

Общее фото 9-2 класса. Москва, 1965 г.

в Свидетельстве о восьмилетнем образовании, сколько грамотность школьника, его сообразительность, желание учиться, упорство в достижении цели.

Специальной рекламой, похожей на нынешнюю, математические школы не располагали. Узнавали об их существовании преимущественно от знакомых, от тех ребят, которые в них учились или уже их закончили, иногда от их родителей.

Вот так и получилось, что о 52-й школе Володя, успешно закончивший в 1964 году одну из московских восьмилетних школ, узнал только в начале сентября, уже после завершения официального приема и начала учебного года, и все же решил сделать попытку поступить в нее.

С первого раза поступить не удалось. Предложенные ему задачи и вопросы были не стандартны, хотя и не выходили за границы программ восьмилетней школы. Володя попросил разрешения прийти еще раз. Такая возможность была предоставлена. После второй попытки его приняли, и директор тут же привел его на урок в класс, где я вела математику и была классным руководителем, – в «девятый второй» (тогда в параллели оказалось шесть девятых классов, и их просто пронумеровали, отказавшись от традиционных букв).

Вошел высокий стройный мальчик с густой копной темных вьющихся волос. Держался он подчеркнуто скромно, по счету оказался тридцать шестым. Свободным было одно место на последней парте в среднем ряду. За этой партой он и провел два года учебы в пятьдесят второй школе.

Я тогда только что закончила математический факультет МГПИ. Работать с классом было интересно. Народ здесь собрался пылкий, энергичный, а главное – проявляющий постоянный интерес к изучению математики. Программы были насыщенными. Соответствующих этим программам стабильных учебников еще не было. Задачи порой приходилось решать непростые. Ребятам, конечно, было нелегко. Они старались. Относились к учебе серьезно и ответственно. Постоянно задавали вопросы. Иногда приносили трудные задачи, с которыми в одиночку не могли справиться. Обсуждали решения коллективно, разбирали всем классом. Порой не обходились и без «мозгового штурма».

Конечно, успеваемость, особенно по-началу, у ребят была разной, но общий настрой на получение результатов и готовность учиться помогали им преодолевать трудности, объединяли их, сплачивали. И с индивидуальной работой было все в порядке. Списывание на контрольных? Да они забыли, что существует такое мошенничество. Для проведения контрольных работ (особенно в девятом классе) составлялось не менее шести вариантов, и каждый учащийся получал свою карточку.

У них были хорошие учителя по самым разным предметам. Например, они до сих пор часто с теплотой и благодарностью вспоминают учительницу по литературе – Зинаиду Семеновну Петракову. Большое внимание она уделяла логике анализа произведения. Расширяла кругозор учащихся. Как считают многие выпускники пятьдесят второй школы, именно она привила им любовь к литературе и не только к программным произведениям. Она знакомила учащихся с творчеством А. Ахматовой, М. Цветаевой, Е. Евтушенко. Их стихотворения и поэмы тогда только-только выходили на широкую аудиторию читателей. Словом, ребятам, Володе в том числе, было интересно общаться друг с другом не только на уроках математики и программирования, но и на других занятиях.

Если вспоминать о буднях, то, как и в других школах тех времен, ребята участвовали в субботниках, убирали после уроков свои классы, мыли стены и окна, собирали металлолом, макулатуру. Володя в этих мероприятиях, как и все остальные ребята, участвовал спокойно, используя еще и эту возможность для общения с одноклассниками. Поэтому такая работа проводилась не как подневольная обязанность, а достаточно весело и даже с подъемом.

Школа во многих отношениях была демократичной, рожденной эпохой шестидесятых. Дети очень много получали от общения друг с другом. Здоровая атмосфера школы, проявление уважения и доверия учащимся со стороны учителей и администрации придавало каждому из них больше уверенности в себе, способствовало укреплению их самооценки, самоуважения, что впоследствии очень пригодилось им в жизни.

Серьезное внимание всегда уделялось и спортивной подготовке учащихся. Работало несколько спортивных секций, проводились соревнования по разным видам спорта между

Волейбольная команда 10-2 класса. Москва, 1965 г.

Общее фото выпускного 10–2 класса. Москва, 1966 г.

классами, с командами других школ. Володя, как один из самых спортивных мальчиков класса, был капитаном волейбольной и футбольной команд класса (на фотографии Володя слева), защищал в составе волейбольной команды честь школы.

И, конечно, важной частью той жизни класса было активное участие в поездках в разные города, туристических походах по Подмоскovie, на Кавказ в Приэльбрусье. Хорошо помню, как в других городах мы останавливались в местных школах. В каникулы между городами практиковался взаимообмен группами школьников по согласованию директоров отдельных школ. Для ночлега нам отводили спортивные залы и давали спортивные маты. Спальные мешки ребята возили с собой, их можно было взять на время в своей (52-й) школе.

А в воскресные зимние дни мы часто ездили на лыжах по Подмоскovie и, конечно, выбирали места, где можно было покататься с гор. Еще в электричках загоралось веселье. Кто-то брал с собой гитару, пели песни. Не помню, чтобы других пассажиров такое раздражало. Может потому, что и ребята, и песни были хорошими.

Так получилось, что их общение чуть ли не сразу переросло в дружбу. А дружба, между прочим, гарантировала отличную организацию коллектива.

Если перечислять какие-то наиболее характерные черты Володи, проявившиеся уже в школе, то я бы в первую очередь выделила организованность, ответственность, целеустремленность, добропорядочность, интеллигентность. Уже тогда его относили к числу умных и любознательных подростков, которым нравилось учиться. Он всегда был подтянут, аккуратен, вежлив, приветлив. При общении – доброжелателен, внимателен, умел спорить, шутить.

Наш класс через 20 лет. Москва, 1986 г.

Пользовался уважением среди одноклассников, считался надежным товарищем. Был достаточно скромным, но в то же время позиционировал себя очень достойно.

К середине десятого класса ребята уже могли назвать вузы, в которые они хотят поступить. Примерно треть учащихся класса были нацелены на продолжение обучения в МГУ (мехмат, физфак, химфак), кто-то из остальных – в Физтех, кто-то – в МИФИ, другие – в Бауманский, Энергетический, МИЭМ, Педагогический и др. Володя еще в девятом классе твердо знал, что будет учиться в МАИ. Свое намерение он реализовал. Сразу после окончания школы, когда все ребята стали студентами, они с удовольствием приходили в школу помогать принимать тематические зачеты у моих новых девятиклассников, и Володя, конечно, всегда был в их числе. Ему нравилось не только проверять знания младших, но и давать им советы, оценивать результаты.

Годы идут по-всякому – заметно и незаметно. Но у выпускников десятого второго класса 52-й школы не пропадает желание видеть друг друга. И хотя они разошлись и разъехались, они сохранили теплое отношение друг к другу.

С Володей и другими его одноклассниками я общаюсь до сих пор. Первое время после окончания школы мы собирались большой

С любимой учительницей Л. Ю. Берзиной (Мишениной), Москва 2008 г.

группой каждый год, позже (когда они обзаводились семьями и детьми) несколько реже, но не менее одного раза в три-четыре года, часто у меня дома.

Так получилось, что вступительные экзамены в 52-ю школу у Володи и его одноклассников принимал тогда будущий мой муж, который в то время в ней работал. Так что при встречах бывает, о чем вспомнить. Интересно, что многие ребята, включая Володю, до сих пор помнят вопросы и задачи, которые он предлагал им тогда. Такие встречи бывшего десятого второго превращаются в настоящие праздники не только для них, но и для меня. Если Володя по занятости на работе когда-то не мог прийти вместе со всеми, то заезжал к нам позже. С Володи, как и раньше, общаться приятно и интересно. Когда слышишь его голос по телефону, ощущаешь его доброжелательность и внутреннюю улыбку.

При встречах Володя, как и его одноклассники, до сих пор вспоминают о пятидесят второй школе как о месте, в котором они провели нелегкие, но замечательные два года своей юности, своего становления.

В 2015 году будет 49, то есть почти 50 лет, как Володя закончил 52-ю школу*. Уже намечена примерная дата очередного праздника – встречи одноклассников десятого второго этой школы выпуска 1966 года.

* С 1993 года школе № 52 присвоен статус «гимназия» и изменен номер. Теперь она называется Гимназия № 1514. Она продолжает традиции 52-й школы.

Чекалов Михаил Александрович

*Кандидат технических наук, профессор МГИУ,
ассоциированный доктор технических наук
и профессор международной академии наук
Сан-Марино, кандидат в мастера спорта
по легкой атлетике*

МАИ. ГРУППА АД–1

Я благодарен судьбе за то, что познакомился и подружился с Володей Нестеровым. Дружба наша продолжается уже 49 лет.

А познакомились мы так. В 1966 году я окончил 11-й класс. В какой вуз поступать, вопрос не стоял – конечно, в МАИ. С выбором факультета вопросы были, в итоге я выбрал моторный факультет. Со мной в МАИ на 2-й факультет поступил Юра Редькин, который жил в соседнем доме. Нас зачислили на специальность «Жидкостно-ракетные двигатели», но в разные группы. Решили перевестись в одну группу и пошли в деканат. По дороге встретили Лиду Вонсовскую, с которой я учился в одном классе. Поинтересовался, в какую группу её зачислили, оказалось, в группу АД 1–1 (специальность «Воздушно-реактивные двигатели»), и мы с Юрой решили тоже перевестись в эту группу. И, как потом выяснилось, это стало одним из важнейших событий в моей жизни. В эту группу был зачислен Володя Нестеров, который стал моим близким другом. Там же оказались отличные ребята: Миша Ракитин (староста группы), Саша Алатырцев, Володя Пальтов, Саша Спренгель и другие ребята, с которыми я до сих пор поддерживаю дружеские отношения.

Первый раз я пообщался с Володей Нестеровым примерно через неделю после начала занятий на входе в 7-й корпус (там размещалась библиотека). Он был с группой приятелей и в шутливой форме обратился ко мне. Как потом выяснилось, юмор и сатира – одни из его ярких отличительных качеств. С тех пор мы стали близко общаться. У нас была очень спортивная группа: Володя Нестеров – волейболист, я – легкоатлет, Саша Алатырцев – велосипедист, Володя Пальтов – футболист. В перерывах занятий мы устраивали азартные спортивные состязания по прыжкам в длину, в высоту (на кафедру), удержание «уголка» и т.д.. Весь поток (а это более 100 человек) с интересом наблюдал за нашими баталиями.

Группа была очень дружная, и мы старались отмечать вместе праздники и другие события. Воспоминания такого рода – это празднование нового 1967 года у Лиды Вонсовской, это по-

Наша студенческая маевская группа АД-1 на 30-летию выпуска. В. Нестеров, М. Чекалов, Л. Вонсовская, В. Пальтов, О. Лисицына, А. Спренгель, Д. Савин, В. Сергеев, Л. Сапова, С. Некрасов, В. Соломонов. Москва, МАИ, 2002 г.

ездка на зимние каникулы на втором курсе в дом отдыха «Чайковский, это регулярные посещения кафе «Ли́ра» на Пушкинской площади, где мы «отрывались» по полной программе.

Ярким событием в моей жизни, думаю, и в жизни Володи, явился первый прыжок с парашютом. Как-то мы увидели объявление, что набираются группы для подготовки к совершению прыжка с парашютом. Записались многие, но на сборный пункт из нашей группы явились двое: Володя и я. Приехали на аэродром (кажется, в городе Подольск). Выдали нам по два парашюта: основной, который крепился на спине, и запасной с расположением на животе. После инструктажа нас посадили в самолёт Ан-2. Поднялись на высоту 1000 метров, и нам сказали – пора прыгать. Пока поднимались на эту высоту, я наблюдал за ребятами, которые собирались совершить прыжок, почти все бледные и трясущиеся, кроме одного (не считая меня). Догадались, кто это был? Правильно. Сначала должны были прыгать ребята с большой массой. Один из первых прыгнул Володя, я – лёгкий, прыгал последним. Подхожу к открытой двери самолёта, посмотрел вниз – жуть, земля далеко-далеко, и нужно сделать шаг в бездну. Я его делаю и лечу вниз в свободном полёте. Восхитительное ощущение, но что-то слишком долго длится свободный полёт, неужели не раскрылся парашют? И тут толчок, и я вижу, как надо мной образовался купол. Какое счастье! Все очень счастливы, переговариваемся друг с другом, неспеша опускаемся вниз со скоростью примерно 5 м/с, слышимость отличная.

Ярким событием в нашей жизни явилась поездка в пустыню на археологические раскопки после 4-го курса. В то время я встречался с Леной Мишук, которая училась на 6-м факультете (её отец в то время был главным инженером ВВС страны). Она обратилась ко мне с предложением организовать в поездку ребят из моей группы. Я бросил клич, ребята с удовольствием поддержали эту идею, и мы поехали на археологические раскопки Хорезмского дворца. Прилетели в город Нукус, а потом нас привезли в настоящую пустыню. Я точно не помню, сколько дней я успел прожить там, но в результате тяжёлой травмы вынужден был улететь в Москву.

Смотрю на фотографию: под аркой дворца стоят 6 человек: я, Володя Нестеров, Миша Раки-тин, Миша Супроненко (учился в нашей группе), один из руководителей экспедиции.

Эта арка и явилась причиной моей травмы. А дело было так. Утром сфотографировались под аркой, а вечером отмечали приезд. Володя блистал остроумием, а я был молчалив. Ста-канов не было. Пили из кружек. Дошло дело до меня, но я неловким движением опрокинул кружку. Можно было налить заново, но почему-то не захотелось. Ночью решили пойти по-гулять по дворцу. Во время прогулки я с этой

М. А. Чекалов и В. Е. Нестеров.
Москва, 18.09.1992 г.

злополучной арки в темноте шагнул в пусто-ту и жестко приземлился со страшной болью в спине. Через день температура поднялась до 41,2 °С. Начальство экспедиции забеспо-коилось, и меня отправили на грузовике в Ну-кус. Туда же чуть позже прибыл Юра Редькин, который сломал ногу, играя в футбол. В боль-нице сделали рентген, который показал, что у меня компрессионный перелом позвоноч-ника. Нужна операция. На месте или лететь в Москву? Лететь в Москву, но есть опасение, что в дороге может парализовать. Операцию сделал знаменитый нейрохирург Юмашев. Требовались ежедневные перевязки.

В зимние каникулы ребята решили пое-хать в дом отдыха «Октава» на реке Ока близ города Таруса. Мне хотелось тоже поехать, но как? Если каждый день требуются пере-вязки. Эту непростую миссию взял на себя мой дорогой друг Володя Нестеров, который

Игра в «слона», сверху М. Чекалов. Подмосковье, 1968 г.

независимо от множества факторов, каждый вечер делал мне перевязки, за что я ему безмерно благодарен. А в «Октаве» было весело.

Когда мы встречаемся с ребятами, то всегда вспоминаем весёлые эпизоды из жизни в доме отдыха: как у Володи текли слёзы и он повторял: «Ещё, ещё, ещё...», слушая Лунную сонату, при этом «пианист» часто не попадал в нужную ноту, как Миша Ракитин уронил киноэкран, не обратив на это внимания, как Саша Алатырцев съел все огурцы, которые должны были стать закуской для целой компании и многое-многое другое.

Огромную роль в нашей дружеской жизни сыграл футбол. Начали играть в футбол на 1-м курсе и продолжаем играть по сей день. Кому скажешь – не поверят! Шутка ли, играем уже 48 лет. Футбол – это не только собственно футбол, это радостное общение, азарт, шутки, неиссякаемый юмор.

В заключение моих кратких воспоминаний хочу повторить то, с чего начал: я очень благодарен судьбе за то, что встретился и подружился с большим, добрым человеком – Володи́ей Нестеровым, человеком широкой души, острого ума и юмора.

Огромное спасибо Володе Нестерову, Мише Ракитину, Саше Алатырцеву, Володе Пальтову, Саше Спренгелю, Жене Тарыгину, Жене Гончарову, Юре Редькину и другим ребятам за наше общение, за нашу дружбу!

Пальтов Владимир Георгиевич

Ведущий инженер по летным испытаниям ГОСНИИ ГА, совершил более 200 испытательных полетов, сотрудник Московского филиала «Пратт Уитни», заместитель генерального директора ОАО «Электрокабель». Награжден ведомственными наградами Роскосмоса и медалями Федерации космонавтики. Кандидат в мастера спорта по футболу

ФУТБОЛЬНАЯ ДРУЖБА

Мне особенно хотелось бы поделиться впечатлениями о студенческих годах моей жизни или, чтобы быть более точным, о ее особой составляющей, которую я назвал бы футбольной дружбой, под крылом которой оказались мои тогдашние друзья-одногруппники, возвращенные ею и пронесшие это уникальное чувство через многие годы своей жизни. Наше особое чувство к этому явлению, а именно так я его воспринимаю и чувствую сейчас, на многие периоды нашей дальнейшей совместной жизни во многом стало ярким, теплым и щедрым на общие для всех нас эмоции проявлением жизни, центром притяжения наших воспоминаний.

В течение многих лет я пытался сформулировать для себя причину или основу нашего единения. Мне было интересно ответить на этот вопрос еще и потому, что в личных беседах с непосредственными участниками этого явления выяснилось, что вопрос был интересен всем, но общего ответа не было. Пусть представленный материал будет еще одной попыткой рассказать или, если получится, даже донести до сердца читателя всю глубину наших чувств и ощущений. При этом я буду изредка возвращаться к старинной мудрости, гласящей, что «... Жизнь каждого человека делится на этапы и периоды в четкой зависимости от того, что в них вложено каждым человеком и что приобретено этим человеком». Попытаюсь рассказать, почему так дорог для нас наш союз, а главное, почему это время стало для нас незабываемым и почему до сих пор оно зовет и греет.

Итак, 1966 год. Поступление в Московский авиационный институт имени С. Орджоникидзе (МАИ). Факультет «Двигатели летательных аппаратов». Первое наше знакомство, пусть пока только формальным образом, состоялось в приемной комиссии, куда мы пришли после сдачи вступительных экзаменов в надежде найти себя в списке поступивших и зачисленных в группы первокурсников. Некоторое тревожное чувство все-таки присутствовало во мне, когда я начал искать свою фамилию в списках, но оно быстро прошло и перешло в чувство радости

В. Пальтов с мячом, В. Нестеров в центре. Москва, Центральный аэродром, осень 1969 г.

и удовлетворения, когда я нашел себя в первом же списке новых студентов. Группа АД-1: авиационные двигатели, первый курс, первая группа. Новые фамилии в списке, за каждой фамилией новый человек. Немой вопрос, какие они, как сложатся наши отношения и, конечно, как я почувствую себя в новой обстановке? Было также интересно, а по какому признаку или критериям деканатом формировался состав той или иной группы.

И вот первые лекции в институтских аудиториях, семинары, конспекты, первые знакомства. И, конечно же, студенческие зачеты и экзамены. Одним словом, началась обычная студенческая жизнь во всей своей гамме ощущений, забот, волнений, новых правил и порядков, что, конечно же, всегда объединяло студенческую среду, по крайней мере, по моему глубокому убеждению того времени.

Но уже тогда, как мне казалось, начало проявляться нечто, что способствовало и помогало объединиться моим мальчишкам-одногоруппникам в подсознательное единение, ставшее в дальнейшем общей для нас крышей и домом наших ощущений и потребности в общении. Конечно же, нам очень помогало то обстоятельство, что с некоторыми парнями я был знаком еще до студенческой жизни, со школы. Но самое главное, на мой взгляд, и это выяснилось уже в процессе нашего общения в учебных аудиториях, что многие парни были небезразличны к спорту, а некоторые уже тогда имели даже спортивные разряды по отдельным видам спорта. Нашлись среди нас легкоатлеты, велосипедисты, волейболисты, футболисты с первым спортивным разрядом и даже кандидаты в мастера спорта. Но следует отметить, что в те годы в той нашей стране это явление было скорее обычным и даже заурядным. Спорт тогда был нормальной и привычной составляющей жизни для многих молодых людей, а тем более для студентов вузов. Одним словом, именно спорт и тогдашнее к нему отношение в нашей стране и стали, наверное, первой ступенькой к нашему единению. Вот почему наше студенческое окружение с пониманием относилось к нашим тогдашним мальчишеским забавам в коридорах учебных корпусов института в перерывах между лекциями, которые заключались иногда в таких «видах спорта», как прыжки в длину с места и не только.

Руководство института своим студентам, выступающим в спортивных соревнованиях в личных и командных студенческих первенствах за МАИ, даже предоставляло некоторые льготы при сдаче зачетных и экзаменационных сессий.

Надо отметить, что МАИ того времени был еще и мощной спортивной тренировочной базой для своих студентов: множество секций по различным видам спорта, спортивный комплекс и спортивные базы. Вполне естественно, что мы оказались в разных секциях и выступали за наш МАИ.

И вот эта спортивная составляющая в жизни большинства тогдашних моих мальчишек-одноклассников и послужила естественной мотивацией к особой форме единения, товарищеского и дружеского общения. И, конечно, им стал футбол. Именно футбол! Потому что, на мой взгляд, футбол в нашей стране тогда был, наверное, самой демократичной формой общения для уже взрослых спортивных мальчишек-студентов. В значительной степени именно через футбольное общение мы начинали понимать себя и учились понимать своих друзей. Кстати, очень хорошая школа! И как же это помогало нам в нашем дальнейшем общении! Через футбол или, точнее сказать, через наше футбольно-дружеское общение мы, к общему взаимному удовольствию, все больше узнавали друг друга. И в отличие от многих жизненных ситуаций с высоким уровнем эмоциональной составляющей при выяснении личных позиций участников той или иной проблемы, мы во время наших футбольных свиданий научились смотреть на себя и наших друзей с огромной долей юмора и понимания при разрешении спорных игровых моментов, возникающих на футбольном поле.

А тем временем наша футбольная дружба, из фонового оттенка нашей студенческой жизни незаметно переросла в особую форму существования теперь уже нашей команды.

Конечно, основное время нашего пребывания в МАИ мы тратили на учебу. Но, несмотря на очень насыщенный учебный процесс, учеба давалась нам легко. Об учебном процессе нужно говорить отдельно. Но вот о нашем участии в нем, его восприятии и понимании я хотел бы сказать несколько слов, потому что в этом мне видится проявление того самого начала, что в конце концов привело нас к нашему единению. Возьму на себя смелость отметить,

А. Алатырцев, Е. Гончаров, М. Чекалов, В. Пальтов, В. Нестеров, М. Ракитин, Е. Тарыгин.
Москва, аэродром Тушино, осень, 70-е годы

что наша успешная учеба в институте, а именно такой я ее считаю для всех нас, во многом предопределялась существовавшей тогда еще советской системой школьного образования и подготовки. Ученику к моменту окончания школы давались не только хорошие и крепкие знания, но и прививалось на хорошем начальном уровне чувство внутренней дисциплины и порядка формирования своих желаний и поступков. Все это способствовало и помогало бывшему школьнику контролировать свое поведение при вступлении в новую жизнь, помогало ему формировать необходимые решения по текущим и вновь возникающим жизненным ситуациям.

По моему глубокому убеждению, именно этот актив каждого из нас при поступлении в институт был приблизительно одного уровня, что, конечно, было важным для нашего будущего союза, но не определяющим. А вот наши характеры и нравы, темпераменты и вкусы, отражавшиеся в нас и проявлявшиеся в различных формах в самых разных ситуациях нашей студенческой жизни, становились для нас интересным явлением и привлекали нас все больше и больше. Рождался какой-то новый организм, различный по своим компонентам и единый по своей потребности в ощущении каждой ее составляющей.

И вот еще, о чем я хотел бы сказать, припоминая нашу футбольную дружбу. В нашей группе практически на протяжении всего периода учебы в МАИ, по крайней мере, среди мальчишек, и особенно среди членов футбольной команды, присутствовал какой-то особый элемент соперничества и дух соревновательности. А может быть, это было просто продолжением нашей футбольной дружбы в каком-то своем новом продолжении?

И снова о футболе.

На протяжении всей студенческой жизни наши дружеские встречи под зонтиком футбольных тусовок все больше наполнялись новым содержанием, которое во многом определялось, наверное, потребностью в откровенном дружеском общении и, как мне сейчас кажется, су-

М. Ракитин, В. Пальтов, В. Нестеров, Е. Орлов, А. Спренгель, М. Чекалов, А. Алатырцев, Е. Гончаров, Москва, аэродром Тушино, осень, 80-е годы

А. Алатырцев, В. Нестеров, Е. Тарыгина, В. Пальтов, М. Чекалов, М. Ракитин, Е. Тарыгин с дочерью, Е. Гончаров. Москва, аэродром Тушино, осень, 90-е годы

ществовавшим тогда единомыслием в восприятии жизни того времени, а также родившимся в нас новым ощущением единой команды как на футбольном поле, так и в аудиториях института.

Наши футбольные встречи в первые годы студенчества носили эпизодический характер и главным их итогом считался, конечно, спортивный результат. Надо отметить, что именно итоговый счет последней встречи во многом определял настроение участников команд вплоть до нового поединка. Играли мы между собой, поделившись на две команды с практически одним составом в течение многих лет.

Каждый раз участники команды-победительницы язвительно шутили и посылали едкие стрелы дружеской иронии в сторону побежденных. Те же отшучивались и отбивались, как могли. Но все это делало совершенно неминуемым организацию новой встречи – с еще большим азартом и, может быть, даже было делом чести для некоторых особенно чувствительных и эмоциональных участников. Конечно, результаты встреч на футбольных площадках были разными, победители и побежденные менялись местами. И каждый раз это снова обрекало новых проигравших на новые шутки и дружескую иронию со стороны новых победителей. И снова зарождение предсказуемой потребности, да нет же, неизбежной необходимости в новой встрече, где две половины единой команды снова получают свое эмоциональное удовольствие и итоговое удовлетворение.

Эта машинка, этот механизм организации и поддержания наших отношений через футбольную дружбу, рожденный нами же в студенчестве, стал одним из самых главных, ярких и запоминающихся событий для всех участников той единой команды. Ну а так как все мы это четко понимали и воспринимали наши встречи именно так, то мы были просто обязаны сохранить это явление в своей памяти, а значит находились фотоаппараты и камеры для регистрации самых интересных моментов встречи и основных ее героев. Благодаря инициа-

тиве самых ответственных участников, периодически появлялись даже фотоальбомы, посвященные тому или иному событию или его отдельным героям.

А учебный процесс уже подходил к своему логическому концу. Каждый был занят итоговыми дипломными работами и проектами. Студенческая жизнь заканчивалась, а, следовательно, все наши эмоции и ощущения, приобретенные за эти годы, становились теперь достоянием нашей памяти, оставаясь для нас живыми и яркими. Обречена была на долгую память и наша футбольная дружба, зародившаяся в стенах института.

Ну а вопрос, на который я пытаюсь ответить: каким образом мы оказались в одной команде, сумевшей объединить нас в институтских аудиториях и на футбольных площадках, получил еще один вариант ответа, кстати, несколько не отвергающий все предложенные, а лишь дополняющий их. Может быть, процесс формирования группы проводился работниками деканата и преподавательским составом на основании каких-то особых критериев и подходов, нам неизвестных и так эффектно проявивших себя. В любом случае, огромное им спасибо за этот подарок судьбы.

Ну а на календаре, тем временем, уже властвовал 1972 год, февраль месяц. А это значило для нас тогда, что в руках у нас появился заслуженно заработанный (а я именно так и считаю, что заслуженно) диплом об окончании Московского авиационного института по специальности «Двигатели летательных аппаратов». Церемониальное, но при этом, как мне показалось, не лишенное настоящей искренности всех ее участников, прощание с факультетом и институтом в целом. Незабываемое и грустное, по моим ощущениям, расставание с группой и сокурсниками нашего факультета. Ведь к тому времени почти о каждом сокурснике мы что-то знали, общались в той или иной степени. Была и дружба, а у некоторых даже романтические отношения с девчонками и не только нашего факультета. Спешу оговориться, что упоминая романтические отношения, я говорю, не о себе (хотя, может быть, я что-то и забыл). Особая благодарность нашим преподавателям за их профессионализм, понимание и терпение.

Не будет больше той особой атмосферы содружества и братства аудитории на общих лекциях нашего курса, объединявшей всех в стремлении каждого услышать, понять и успеть правильно записать основные положения лекции. Станут теперь достоянием памяти групповые семинары по различным предметам, где мы могли проявить свой потенциал, а также поближе узнать друг друга. Особую нишу в наших воспоминаниях, конечно, займут впечатления от многочисленных зачетов и экзаменационных сессий.

Начиналась новая, взрослая жизнь. Кто-то пошел по пути, выбранному еще когда-то его родителями, став их продолжателями. Кто-то пытался воплотить в жизнь свою юношескую мечту. А кто-то только начинал искать свой путь в новой жизни. Но для большинства из нас было ясно, что новый этап жизни – это, прежде всего, новые правила, новые люди, новые отношения, новые вопросы и новые способы их решения.

Я сейчас все это говорю только потому, что возникшие перед нами новые обстоятельства и условия жизни потребовали тогда от каждого из нас какого-то определенного времени для их понимания, вживания в них и выработки своей позиции для достижения намеченных целей. Менялось и расписание жизни. От чего-то приходилось отказываться, что-то откладывать на более поздние сроки, приходилось менять существующие акценты действий и решений и выбирать новые приоритеты.

Все это, конечно, захватывало и загружало нас. Время шло. Но настал момент, когда дыхание стало восстанавливаться после вихря эмоций вхождения в новую жизнь во всем диапазоне новых проблем и способов их решения, сопутствующих им волнений и переживаний при выполнении поставленных перед тобой задач, оценки первых результатов твоей деятельности начальниками, командирами и руководителями подразделений и служб. Мы стали чаще оглядываться вокруг себя, не забывая при этом заглянуть внутрь себя.

М. Ракитин, Е. Гончаров, А. Спренгель, М. Чекалов, А. Алатырцев, В. Пальтов, В. Нестеров.
г. Москва, зима, 2000-е годы

И нет ничего удивительного в том, что мы быстро нашли в себе то, что искали, то, что все время напоминало о себе – ощущения, приобретенные в студенческие годы на футбольных площадках. Все это было похоже на вспыхнувшую в нас ностальгию по эмоциям, которые вызывало общение через футбол, незаметно ставшим даже какой-то составляющей нашего внутреннего мира. Память просила повтора и обновления ощущений.

Начались звонки друг другу. Легкие беседы о текущих делах, которые все чаще заканчивались предложением всем собраться в традиционной обстановке, что означало – будет футбол. Так и случилось.

И вот началась новая серия по старому сюжету: встречи, веселое бесшабашное общение, взаимное подкалывание и шутки и, конечно, самое главное – футбол. И снова были победители и побежденные. Шумные и энергичные, часто переходящие в страстные споры и едкие комментарии участников этого сериала практически по любой неоднозначной ситуации текущего футбольного сюжета или главного его итога – гола в те или иные ворота. Ну а после окончания игровой части нашей встречи в уже более непосредственной и расслабляющей обстановке следовал каскад «четких» и «обоснованных» аргументов членов проигравшей команды об истинных причинах несправедливого, по их глубокому убеждению, итога матча и оценок спорных ситуаций в отдельных его эпизодах. Любой аргумент проходил тщательную сортировку через сито язвительного сарказма и молчаливой снисходительности сегодняшних победителей. Оппонентам припоминали аналогичные ситуации в прошедших ранее поединках, где те были победителями, и о принятых тогда аналогичных решениях, при этом нередко путая воображение с памятью, а также указывали им на полную обреченность их жалких попыток оспорить одержанную сегодня победу.

Накал положительных эмоций возрастал, сфера привлекаемых аргументов расширялась, наполняясь литературными и не совсем составляющими. У некоторых участников диспута обнаруживались вдруг самые глубокие познания в психологии и даже в психотерапии и пси-

хоанализе. Охотно и шумно раздавались советы, ставились диагнозы и выписывались рецепты в различных формах для восстановления здоровья и его поддержания наиболее рьяным участникам диспута за их неумное желание найти истинную правду в разбираемых ситуациях и тем самым восстановить очевидную, как им казалось, справедливость. Озвучивались даже жесткие требования внести в будущем серьезные коррективы в футбольные правила игры, которые могли бы максимально учитывать все особенности проведения наших мероприятий на уровне, который позволил бы всем участникам с еще нераскрытым, но очевидным потенциалом (и это им казалось тоже) занять подходящее им место среди футбольных звезд нашей команды.

И все это традиционно сопровождалось шквалом шуток и искреннего смеха. Вот именно это чувство дружеской искренности завораживало и поглощало нас в эти минуты, выставляя каждого из нас в тех красках, какими мы наделяли друг друга в наших дальнейших воспоминаниях.

Надо отметить, что наши встречи проводились практически при любых погодных условиях. Нам были знакомы футбольные площадки и в крепкие морозы с добротной порцией снега, и в нестерпимую жару, и, конечно, во всех промежуточных вариантах, присущих нашему климатическому поясу. Нам казалось, что сама природа во всех формах ее проявления тоже способствовала и помогала нам в достижении ярких ощущений, но уже через преодоление новых необычных ситуаций, которые она нам предлагала. Это только вносило новые краски и делало ярче впечатления для всех участников, помогая или даже вынуждая каждого проявлять себя и свою способность оставаться самим собой.

Ну а жизнь тем временем предлагала нам новые ситуации и требовала их решений. Для многих из нас это выражалось тогда в нашем дальнейшем жизнеустройстве. А это значило, что периодически кто-нибудь из нас вдруг оказывался женатым, но это не делало пробле-

Е. Гончаров, А. Спренгель, М. Чекалов, В. Пальтов, В. Нестеров, А. Алатырцев, Ю. Орлов, Е. Орлов, М. Ракитин. Москва, парк Покровское-Стрешнево, осень, 2000-е годы

А. Спренгель, М. Чекалов, В. Нестеров, А. Алатырцев, М. Ракитин Е. Гончаров. Москва, стадион «Фили», лето 2008 г.

матичным его явку на следующий футбольный сбор из-за каких-то текущих жизненных проблем в новой семье. Конечно, все с пониманием относились к этим ситуациям. Да и список счастливчиков все время увеличивался. Некоторым даже посчастливилось поприсутствовать на свадебных церемониях и торжествах, кому-то – в качестве гостей, а кому-то – в качестве свидетеля. Видимо для того, чтобы заверить всех собравшихся на торжествах, в случае необходимости, что рассматриваемый кандидат на пост главы семейства – человек достойный, многократно проверенный в наших многочисленных встречах, а потому надежный и перспективный.

Логическим продолжением этого обновления жизни стали дети. Их рождение, первый уход за ними, проблемы воспитания и роста внесли свой вклад в новое расписание нашего футбольного общения. Но все-таки не отменили его. Со временем я все больше отмечаю про себя, что чем больше происходит всяких изменений в нашей жизни, тем ярче и притягательней по ощущениям и впечатлениям становится рожденное нами сообщество в его первоначальном виде.

Ну а наша футбольная серия продолжалась. Менялись площадки, приходили периодически наши друзья-однокурсники и просто друзья наших друзей с других факультетов, прослышавшие и узнавшие о нашей футбольной забаве и решившие попробовать и проверить себя в этом удовольствии. Некоторые же из них, попробовав из нашей чаши футбольных отношений, быстро находили себя в этой дружеской футбольной феерии и становились теперь уже постоянными членами нашего клуба. Иногда заходили даже супруги и подруги некоторых участников команды. Видимо из желания убедиться в искренности неистового желания мужей снова и снова ходить на традиционные встречи и играть в футбол. К сожалению, футбол даже в нашем исполнении, не смог преодолеть их женское начало и не смог наполнить их нашими ощущениями. Но, надо отдать им должное, они не стали препятствовать в дальнейшем своим избранникам в активном участии и поддержании существующей традиции.

Е. Тарыгин, А. Алатырцев, А. Спренгель, Е. Гончаров, М. Ракитин, В. Нестеров, М. Чекалов, В. Пальтов. Москва, стадион «Фили», лето 2012 г.

Кстати, появление на футболе женщин, они же жены наших друзей, имело еще одно объяснение. Незаметно для нас, что нисколько не отменяло и логическую составляющую в нашем желании продолжать общение, наши дни рождения и юбилеи тоже стали естественным поводом для товарищеских встреч, где первым актом мероприятия был, конечно, футбол. И пока мы на футбольной площадке взахлеб пытались в очередной раз выяснить, кто же на самом деле лучше играет, подружки виновников торжества, приводили в порядок другую площадку, куда мы плавно перетекали по их требованию для продолжения общего действия, но уже в совокупности с новыми составляющими, эффектно украшавшими новую площадку, что делало краски первого акта еще более яркими и запоминающимися.

Конечно, лучшим подарком для виновника торжества была бы победа его команды, но это еще не значило, что она была ему гарантирована. Впрочем, особый статус на тот день он все-таки определенно получал: более корректное и даже любезное отношение к нему во время исполнения им своей роли в первом акте в качестве очевидного нового лидера команды. По негласному правилу было совершенно недопустимым давать истинную оценку его мастерству и произносить вслух разрывающие на куски комментарии о его перспективах как футболиста вообще. Только улыбки и легкое ироничное покусывание. Герой дня все это, конечно, понимал, но охотно играл свою роль. На этой ноте мы буквально влетали без передышки во второй акт мероприятия, где был тот же герой, но уже в ореоле приобретенного по первому акту общего настроения. Здесь он уже получал все сполна за все реальные заслуги и свой личный вклад в становлении и процветании нашего сообщества. И снова это превращалось в настоящий праздник для всех и каждого.

Ну а время продолжало испытывать нас и наше творение, заставляло нас смотреть на себя через наши поступки и деяния, привычки и мечтания.

Появились и новые краски, когда главенствующий ранее спортивный азарт и здоровые амбиции членов команды натолкнулись на ранее неизвестные нам проявления и реакции

На 30-летней годовщине окончания МАИ. В. Г. Пальтов, В. Е. Нестеров. Москва, МАИ 2002 г.

нашего тела. Рывки за мячом стали почему-то не такими резкими, движения – не столь быстрыми и не такими однозначными и характерными для футбола, а скорость мяча все чаще не сходилась с нашими намерениями и возможностями овладеть им и завести в ворота соперника. Да и табло уже так не поражало своими итоговыми результатами. Если раньше высвечивались цифры на уровне второго десятка по каждой команде, то сегодня как-то удавалось убедить друг друга и выбрать победителя по достижении результата уже в пределах первой десятки. Ну а в некоторых случаях новые объективные аргументы от жизни бывали столь убедительны, что свисток об окончании был слышен и при меньших цифрах на табло. Но это не вызывало бурных споров, а уж тем более отрицательных эмоций и неудовлетворенности. Ведь уже к тому времени накопленный и сформированный футбольной дружбой за многие годы стратеги-

ческий капитал общих положительных эмоций, ощущений и впечатлений стал надежным гарантом, обеспечивающим безусловный и однозначно положительный результат встреч, уже вне зависимости от спортивного итога. Сам факт состоявшейся встречи уже становился сильнейшим позитивным мотиватором для получения так необходимых для нас ощущений.

А спортивный итог встречи каким-то естественным образом стал уходить из-под прицела команды-победительницы, и уже не требовал так необходимых ранее объяснений от проигравшей команды.

Все происходившее на площадке под покровом какого-то общего единодушия стало находить так неожиданно возникшее единое толкование достигнутого на площадке результата: сильный встречный ветер, слишком высокая трава, неровное поле, неправильно завязанные кроссовки, вчерашний разговор с женой или проблемы на работе. Ну и что, что наш возраст уверенно перевалил за 60-летнюю черту, и все мы оказались в списке пенсионеров. Неважно и то, что почти все из нас к этому моменту стали дедами, а некоторые даже кратно дедами.

Жизнь продолжается, а потому будут новые встречи и новые ощущения.

А подводя итог, еще раз хочу сказать, что главным для нас все-таки оставалось наше дружеское общение, рожденное в студенческих аудиториях МАИ и сумевшее объединить, сплотить и поддерживать нас в наших ощущениях на протяжении почти пятидесяти лет нашей совместной жизни.

И вот что интересно. Буквально в тот момент когда я писал эти строки, мне во время паузы, продиктованной обыкновенной бытовой необходимостью, совершенно случайно попадаетеся на глаза цитата: «Дружбу рождает родство душ; пути рождения любви неисповедимы» (Илья

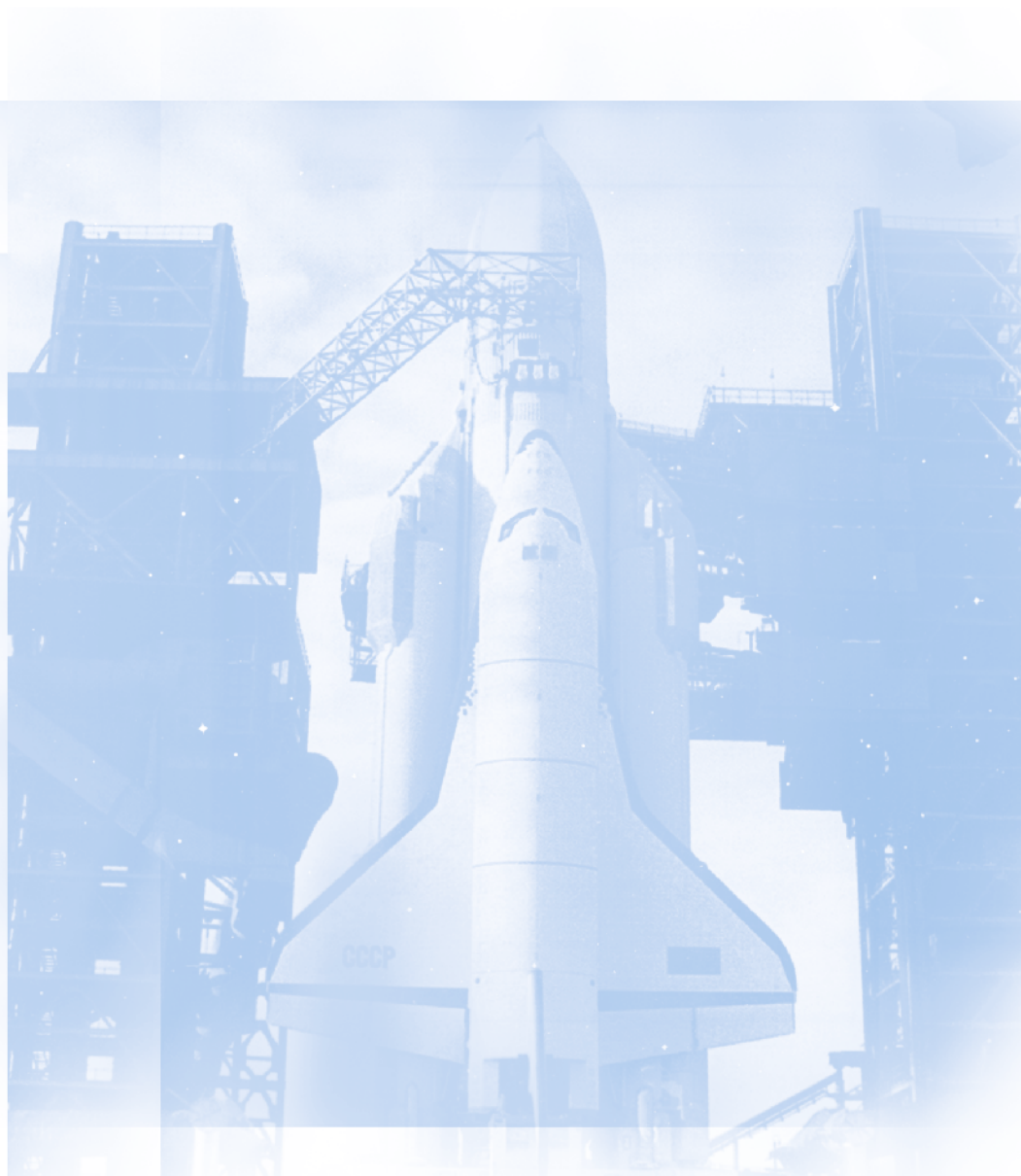
Шевелев). Полностью согласен и воспринимаю данный факт как подсказку свыше. По крайней мере, в части, касающейся понятия дружбы.

Парни, спасибо вам всем за все и, конечно, за нашу футбольную дружбу!

До встречи!

P. S. Интересно, а что если позволить себе немножко помечтать и на минутку представить, что каким-то чудом, по нашему хотению и Божьему велению, нам совершенно невероятным образом удалось бы снова организовать и встретиться, но не в традиционном формате прошлых лет, а в новом – где каждый пришел бы со своей командой, в которую входили бы их жены, дети и даже внуки. И тогда бы мы...

Простите, увлекся. Просто это уже совсем другая история.

Алатырцев Александр Борисович

*Доцент МАИ, кандидат технических наук,
Генеральный директор «НПО Фирма Гарант»,
награжден Почетной грамотой Московской городской
Думы, автор более 100 научных трудов, более
10 изобретений, имеет почетные звания Ветерана
труда России и МАИ, кандидат в мастера спорта
по велосипедному спорту*

АД-1 – ЛУЧШАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ГРУППА В ИСТОРИИ МАИ

Свысоты прожитых лет могу твердо заявить, что лучшие годы моей сознательной жизни – это студенческие, связанные с МАИ и группой АД-1, которая образовалась в 1966 году. Конкурс в МАИ в этот год составлял 12–15 человек на место. Я был избран заместителем старосты нашей группы Михаила Ракитина, который сейчас является заместителем генерального директора ведущей в РФ инновационной фирмы, занимающейся проектированием и изготовлением оборудования для тензоизмерений.

Наше первое близкое знакомство с товарищами по группе состоялось на встрече Нового года у студентки нашей группы очаровательной Лиды Вонсовской. В нашей группе было много прекрасных девушек. Это Люда Терлюкевич, Оля Лисицына, Люда Сапова, Лида Вонсовская, Оля Соколова, Таня Абрамова. Для факультета двигателей летательных аппаратов в те времена такое количество девушек в одной группе было необычным.

Выпускники группы АД-1 с благодарностью вспоминают всех преподавателей МАИ, кто обучал нас. Это Поляков В.В., Степчиков А.А., Абрамович Г.Н., Бакулев В.И., Рыбаков В.В., Артоболевский И.И., Емин О.Н., Левицкий В.С., Фираго В.П., Молодежникова Р.А., Григлюк Э.С., Скубачевский Л.С. и многие другие. Никогда не забудем декана 2 ф-та Гахуна Г.Г., зам. декана Суханова М.И., помощника декана Зою Ивановну Ускову. Многие преподаватели были участниками войны.

Важным обстоятельством в нашей учебе была возможность работать на кафедрах по совместительству. Нам предлагалась разнообразная работа – от конструкторской до переводов научных статей. В МАИ была соответствующая статья расходов для этих целей. В настоящее время в МАИ, к сожалению, такое не практикуется, резко уменьшилось количество научных тем и их финансирование, что привело к снижению качества учебного процесса в институте.

Группа АД-1 имела много общих интересов, прежде всего – занятия спортом. Многие из нас входили в состав сборных команд МАИ. В. Нестеров – по волейболу, В. Сергеев – по конь-

нам, В. Пальтов и братья Севьяны – по футболу, Г. Просяникова – по стрельбе, а М. Чекалов входил в состав сборной ЦСКА по легкой атлетике. Я занимался велоспортом, был кандидатом в мастера спорта, а по окончании института работал преподавателем кафедры физвоспитания по велоспорту.

Спорт настолько сплотил нас, что костяк группы АД-1 и сейчас нередко встречается на футбольном поле. Такого в истории МАИ не было. Я это могу сказать достоверно, поскольку вплоть до 2013 года работал на различных должностях в этом вузе. Объединил и продолжает возглавлять спортивное ядро нашей группы В. Нестеров, он дал вторую жизнь нашему коллективу, в который входят М. Чекалов, М. Ракитин, В. Пальтов, А. Спренгель, Е. Орлов, а также наши друзья Е. Ганчаров, Ж. Тарыгин и В. Слободян.

Игра в футбол на спортивном комплексе завода им. Хруничева – всегда желанное мероприятие.

При всей занятости учебой мы находили время и возможности для футбола, поездок на оздоровительную базу отдыха МАИ – «Ярополец», велотренировок по дорогам Волоколамского района, спортивных сборов и т.п.

Особенно запомнились ночные походы на лыжах со скоростными спусками, посещения консерватории, концертного зала Чайковского, московских театров.

Хотя прошло много времени, но дружба выпускников группы АД-1 продолжается до настоящего времени и на семейном уровне.

Мы гордимся тем, что два наших сокурсника добились больших высот в своем карьерном росте. Это Генеральные конструкторы В. Нестеров и М. Кузьменко. Я всегда привожу их в пример студентам.

Универсальные знания, полученные в МАИ на 2 факультете, позволили выпускникам МАИ – бывшим студентам группы АД-1 быть на передовых рубежах науки и техники спустя более 40 лет после окончания МАИ и передавать свой багаж знаний студентам МАИ.

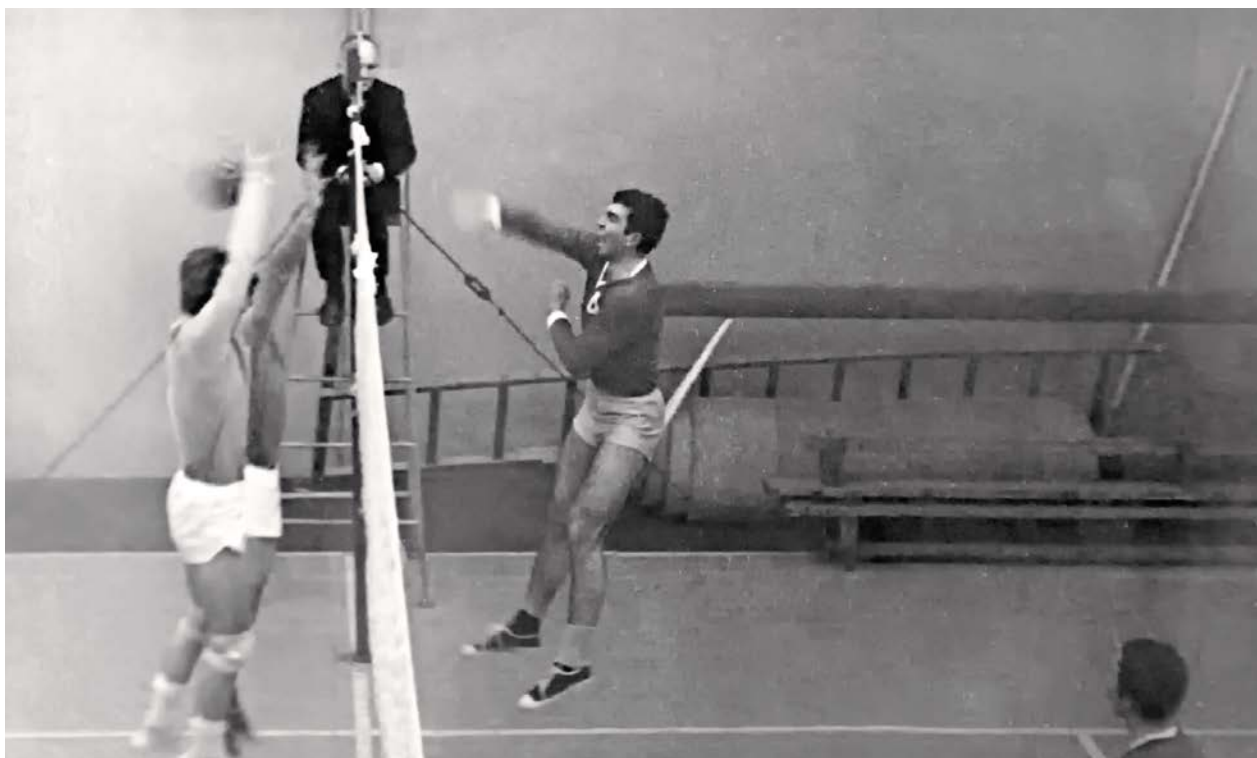
Награждение ООО «НПО Фирма Гарант» почетной грамотой МГД за вклад в научные исследования, практические работы и законотворчество в области экологии на заседании Московской государственной Думы. Слева направо: Н. Н. Губенко, заместитель председателя Московской городской Думы, народный артист РСФСР, художественный руководитель – директор театра «Содружество актеров Таганки», В. М. Платонов, Председатель Московской городской Думы, А. Б. Алатырцев, генеральный директор «НПО Фирма Гарант», А. Н. Метельский, заместитель председателя Московской городской Думы. Москва, 24.10.2012 г.

Студенческий строительный отряд, наша бригада. Поселок Державинск, Целиноградская область, лето 1968 г.

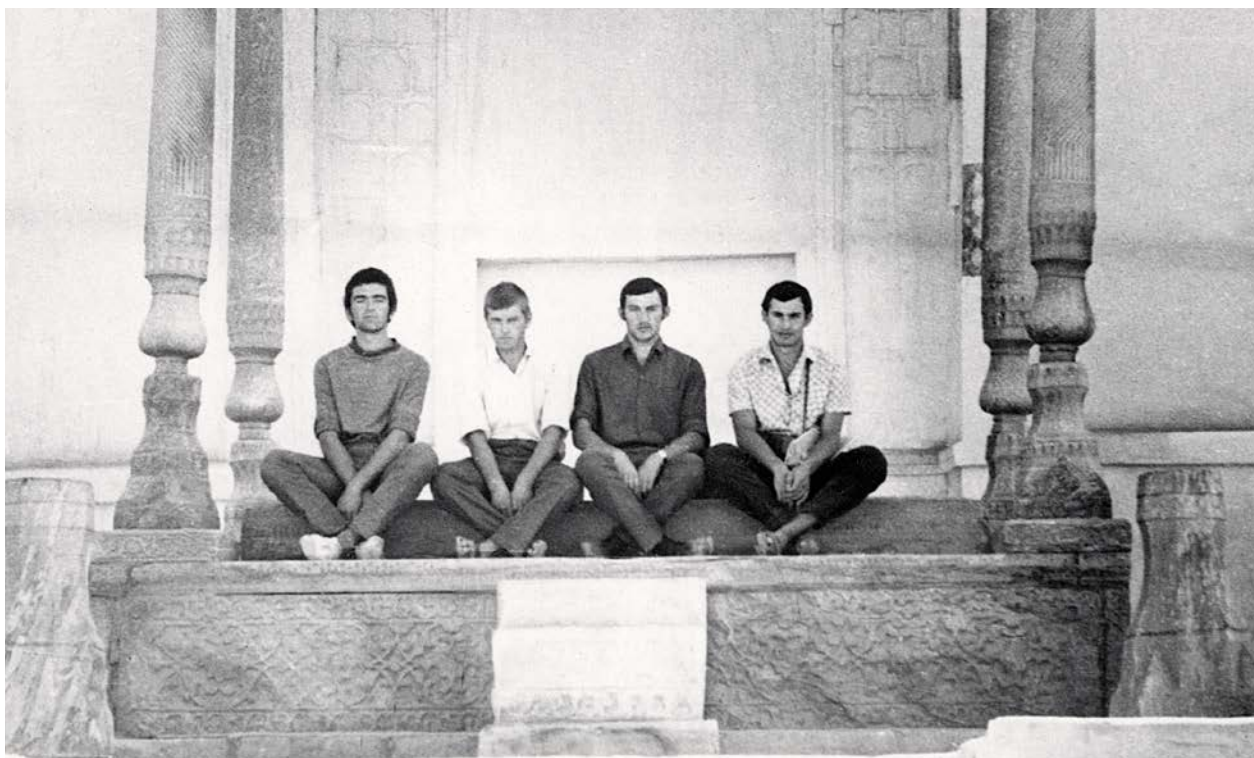
Наша группа на лыжной прогулке. Московская область, 1968 г.

Хорошая атака, блок пробивает В. Нестеров. Москва, спортзал МАИ, 1969 г.

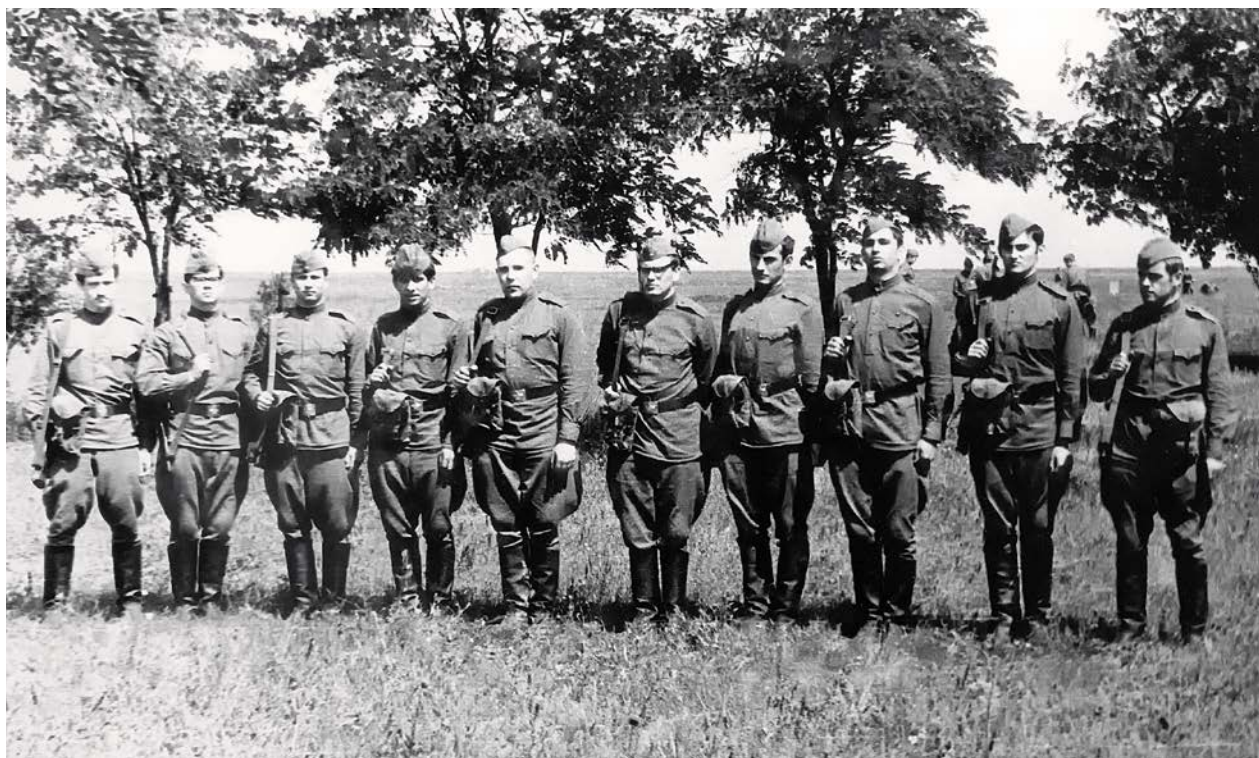
У-ух! В атаке В. Нестеров. Москва, спортзал МАИ, 1969 г.

После работы в археологической экспедиции. На троне хорезмских царей.
В. Нестеров, М. Ракитин, А. Спренгель, А. Алатырцев. Хива, сентябрь 1970 г.

Стрелковая подготовка. На военных сборах. Тирасполь, 1971 г.

«Наш боевой маевский взвод» на военных сборах. Слева направо: В. Соломонов, В. Костырев, В. Сергеев, В. Пальтов, С. Некрасов, Д. Савин, А. Алатырцев, В. Кузьменко, А. Спренгель, М. Ракитин. Тирасполь, 1971 г.

На стрельбах. В. Нестеров. Тирасполь, 1971 г.

Выступает наш однокурсник М. Задорнов. М. Ракитин, В. Нестеров, В. Пальтов. Москва, ДК МАИ, 2007 г.

М. Ракитин, А. Алатырцев, В. Нестеров, А. Спренгель, В. Пальтов. Космодром Байконур, стартовый комплекс КРК «Протон», 06.09.2007 г.

М. Ракитин, А. Алатырцев, А. Спренгель,
В. Нестеров, В. Пальтов. Космодром Байконур,
стартовый комплекс КРК «Протон», 06.09.2007 г.

В сборочном цехе РКЗ на фоне станции «Мир». Е. Тарыгин, Е. Гончаров, В. Нестеров, М. Ракитин,
В. Пальтов, А. Спренгель, М. Чекалов, А. Алатырцев. Москва, июль 2009 г.

В сборочном цехе РКЗ на фоне РН «Протон».
Е. Тарыгин, А. Алатырцев, Е. Гончаров,
М. Чекалов, В. Нестеров, В. Пальтов,
А. Спренгель, М. Ракитин. Москва, июль 2009 г.

После очередного футбола. М. Ракитин, А. Алатырцев, Е. Гончаров, М. Чекалов, В. Пальтов,
В. Нестеров, А. Спренгель. Москва, спортивный центр «Звездный», июль 2009 г.

После очередного футбола. М. Чекалов, В. Нестеров, В. Пальтов, А. Спренгель, М. Ракитин, А. Алатырцев, Е. Гончаров. Москва, стадион «Фили», июль 2013 г.

После очередного футбола. М. Ракитин, А. Алатырцев, Е. Тарыгин, В. Пальтов, А. Спренгель, В. Нестеров. Москва, стадион «Фили», июль 2014 г.

